

Russica Romana

VOLUME XVII · 2010

PISA · ROMA
FABRIZIO SERRA EDITORE
MMXI

Direttore responsabile: FABRIZIO SERRA
Registrazione al Tribunale Civile di Pisa n. 5 del 19.04.1999

Inviare i contributi all'indirizzo di posta elettronica russicaromana@gmail.com, nei formati word (.doc; .rtf) e pdf. Chi non potesse inviare il contributo in formato pdf, è cortesemente pregato/a di inviare una copia cartacea all'indirizzo: Laura Piccolo, Via Pietro Paolo Vergerio 21, 00135 Roma (Italia)

*

Abbonamenti / *Subscriptions*:

FABRIZIO SERRA EDITORE, Pisa · Roma

Uffici di Pisa: Via Santa Bibbiana 28, I 56127 Pisa,

tel. +39 050 542332, fax +39 050 574888, fse@libraweb.net

Uffici di Roma: Via Carlo Emanuele I 48, I 00185 Roma, fse.roma@libraweb.net

La rivista ha periodicità annuale / «Russica Romana» *is published yearly*

I prezzi ufficiali di abbonamento cartaceo e/o *Online* sono consultabili presso il sito Internet della casa editrice www.libraweb.net.

Print and/or Online official subscription rates are available at Publisher's web-site www.libraweb.net.

Indirizzare le richieste a: / *Send Orders to*:

Fabrizio Serra editore, Casella postale n. 1, Succursale n. 8, I 56123 Pisa.

I pagamenti possono essere effettuati con versamento su / *Charge payments by*:
c.c.p. n. 17154550 o tramite carta di credito / *or by credit card*
(American Express, Carta Sì, Eurocard, Mastercard, Visa).

Sono rigorosamente vietati la riproduzione, la traduzione, l'adattamento, anche parziale o per estratti, per qualsiasi uso e con qualsiasi mezzo effettuati, compresi la copia fotostatica, il microfilm, la memorizzazione elettronica ecc., senza la preventiva autorizzazione scritta della *Fabrizio Serra editore*®, Pisa · Roma. Ogni abuso sarà perseguito a norma di legge.

*

Stampato in Italia · Printed in Italy

ISSN 1128-6377

ISSN ELETTRONICO 1724-1510

www.libraweb.net

SOMMARIO

SAGGI

Анатолий А. Турилов, <i>Из истории русско-южнославянских книжных связей XII-XIII вв. – новое и забытое</i>	9
Елена В. Белякова, <i>К вопросу о судьбе Собрания Новелл Юстиниана в 93 главах в составе славянских Кормчих</i>	33
IRINA A. PODTERGERA, <i>'beinhalten' auf Kirchenslavisch</i>	43
IGOR' A. PIL'ŠČIKOV, <i>Petrarca nelle traduzioni dei poeti russi dell'età d'oro e dell'età d'argento</i>	89
ANDREA LENA CORRITORE, <i>«Quello 'straordinario' modo di pensare». Sergej M. Ėjzenštejn e la cultura giapponese negli anni Venti</i>	115
RODOLFO ZUCCO, <i>Due fonti russe per la metrica di Beniamino Dal Fabbro</i>	141

MATERIALI

Самуил М. Шварцбанд, <i>«В заботах суетного света...»</i>	159
Татьяна Л. Мусатова, <i>Вокруг римского Гоголя: адреса друзей и знакомых (по архивным материалам)</i>	169
Николай А. Богомолов, <i>Символист и пушкинист</i>	193
Роман Д. Тименчик, <i>Из Именного Указателя к записным книжкам Ахматовой</i>	203

NOTE E DISCUSSIONI

CESARE G. DE MICHELIS, <i>Antifemminismo futurista tra Italia e Russia</i>	225
ROSANNA BENACCHIO, <i>Un nuovo contributo allo studio dei clitici in ambito slavo</i>	233

RECENSIONI

MICHELE COLUCCI, <i>Tra Dante e Majakovskij. Saggi di letterature comparate slavo-romanze</i> , introduzione e cura di Rita Giuliani (Giorgio Ziffer)	247
ANGELICA CARPIFAVE, <i>Storia della chiesa ortodossa russa. Tra messianismo e politica</i> (Cesare G. De Michelis)	250
SABINA PAVONE, <i>Una strana alleanza. La Compagnia di Gesù in Russia dal 1772 al 1820</i> (Raffaella Faggionato)	252
<i>Rossijskaja Akademija (1783-1841): Jazyk i literatura v Rossii na rubeže XVIII-XIX vekov</i> , pod red. A. A. Kostina, N. D. Kočetkovej, I. A. Malyševoj (Giuseppina Larocca)	253
SERGE ROLET, <i>Le phénomène Gorki. Le jeune Gorki et ses premiers lecteurs</i> (Paola Cioni)	255

CESARE G. DE MICHELIS, <i>L'avanguardia trasversale. Il futurismo tra Italia e Russia</i> (Carla Solivetti)	257
CATHERINE DEPRETTO, <i>Le Formalisme en Russie</i> (Stefano Garzonio)	259
<i>Gli autori</i>	261

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ КНИЖНЫХ СВЯЗЕЙ XII-XIII ВВ.: НОВОЕ И ЗАБЫТОЕ

Анатолий Аркадьевич Турилов

К юбилею Эмили Благовой и Вацлава Конзала

Публикуя без малого 90 лет назад первый обобщающий труд, посвященный культурно-историческому феномену, получившему позднее в литературе название «первое восточнославянское влияние» (далее сокращенно ПВСВ), М. Н. Сперанский писал в заключение: «Весьма возможно, что более тщательный пересмотр югославянских текстов старшего периода вскроет и еще подобные же следы перехода отдельных текстов из русской письменности... на юг славянства».¹ Впоследствии разыскания и самого Сперанского² и позднейших исследователей (в основном на протяжении 1950 – первой половины 1990-х гг.)³ в полной мере подтвердили эти надежды – литературный корпус ПВСВ (который, замечу к слову, в 1923 г. насчитывал около полутора десятков текстов) заметно обогатился,⁴ расширились представления и о других аспектах феномена.⁵ При этом вполне очевидно, что круг ис-

¹ М. Н. Сперанский, *К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур (русские памятники на юге славянства)*, в: Он же, *Из истории русско-славянских литературных связей*, М. 1960, с. 52 (первое издание – «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 26., 1921-1923, с. 143-206; ссылки даются на 2-е издание). Далее, правда, там же следовало знаменательное (особенно в свете последующих разысканий, в том числе и самого Сперанского) дополнение: «но, кажется, таких случаев ожидать после указанного выше много едва ли следует».

² М. Н. Сперанский, *Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV-XVI вв.*, в: Он же, *Из истории русско-славянских литературных связей*, ук. соч., с. 58-64, 67-85, 90-93. Правда, как видно уже из заглавия статьи, сам автор относил появление этих памятников в южнославянской традиции к более позднему времени (см. ниже).

³ Библиографию работ по данной проблематике см.: Н. Миклас, *Kyryllomethodianisches und nachkyryllomethodianisches Erbe im ersten ostslavischen Einfluss auf die südslavische Literatur*, in *Symposium Methodianum. Beiträge der Internationalen Tagung in Regensburg (17. bis 24. April 1985) zum Gedenken an den 1100. Todestag des heiligen Method*, hrsg. von K. Trost, E. Völkl, E. Wedel, Neuried 1988 (= *Selecta Slavica* 13), S. 461-471; А. А. Турилов, *Древнерусские (восточнославянские) влияния на книжность южных славян*, в: *Православная энциклопедия* (далее – ПЭ), т. 16, М. 2007, с. 170-171 (здесь же, на с. 162-167, изложен в тезисной форме ряд положений данной статьи).

⁴ См., например: Н. Миклас, *op. cit.*, S. 444-447, 456-461; А. А. Турилов, *Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII-XIV вв.*, в: *Славянские литературы. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*, М. 1993, с. 27-42.

⁵ Так, к примеру, после выхода в свет книги О. В. Лосевой (*Русские месяцесловы XI-XIV вв.*, М. 2001) и первого выпуска *Сводного каталога XIV в. (Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в., вып. 1, М. 2002)* мож-

точников по проблеме далек от исчерпанности, причем на уровне не только новых списков уже известных памятников, но и – что, несомненно, гораздо важнее – на уровне новых текстов. Неполнота корпуса текстов, участвовавших в ПВсВ, и соответственно, перспективы его расширения, определяются совокупностью ряда неравнозначных причин. Главной среди них является, несомненно, отсутствие подробных постатейных описаний для монастырских и церковных рукописных собраний Афона (и прежде всего хиландарского),¹ Болгарии, Румынии, Сербии и Черногории, вследствие чего возможны лишь случайные находки при просмотре рукописей *de visu* (при том, что доступ к ним нередко бывает затруднен либо ограничен). Другим источником пополнения наших сведений о литературном корпусе ПВсВ является пересмотр (разумеется, обоснованный) датировки появления ряда древнерусских текстов на юге славянства. И, наконец, в качестве третьего (далеко не самого богатого) выступает отнесение к этому корпусу памятников, уже известных в литературе, однако связь которых с данным «влиянием» не была установлена.

Известно, что в отношении верхней границы проявления феномена (т.е., того, сколь поздний список текста может отражать еще «первое», а не «второе» восточнославянское «влияние») в литературе 1920-1980-х гг. отсутствовало четко выраженное мнение, продолжительный период от XIV и примерно до начала XVI в. представлял своего рода нейтральную полосу. Колебания наблюдаются уже в работах М. Н. Сперанского. Если в статье 1923 г. он уверенно включал в корпус ПВсВ древнерусские тексты и переводы, известные в южнославянских списках XV в., причем не самого раннего (например, *Слово о вере варяжской* Феодосия Печерского и *Повесть об Акире Премудром*),² то ее продолжение, опубликованное только в 1960 г., написано (как видно уже из заглавия) с большой оглядкой на датировку дошедших списков. На

но с уверенностью говорить, что число южнославянских *Евангелий* и *Апостолов* XIII – первой половины XIV вв., в синаксарях которых содержатся памяти русских святых и праздников, составляет не менее половины от общего количества кодексов, сохранивших месящесловы.

¹ К сожалению, каталог Д. Богдановича 1978 г. оставаясь чрезвычайно ценным справочником, не может, при всей его подробности, полностью заменить постатейное описание.

² М. Н. Сперанский, *К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур*, ук. соч., с. 19-20 (*Слово* Феодосия), 46-47 (*Акир Премудрый*). Если в отношении первого из памятников, известного в славяно-молдавских списках XV и XVI вв., вопрос о времени появления в южнославянской традиции остается по сути открытым (см.: А. А. Турилов, *Памятники письменности восточных славян в южнославянской рукописной традиции XII-XIII вв. (проблемы и перспективы изучения)*, в: *Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур* (МАИРСК), вып. 25, М. 1991, с. 94-95, примеч. 17), то по поводу принадлежности к ПВсВ второго появились в последнее время дополнительные аргументы, поскольку существует сербский список последней четверти XIV в., который в ближайшее время будет опубликован – см.: И. Кузидова, *Перепись на Повестта за Акир Премѣдри в рѣкопис № 29 от манастира Савина (около 1380 г.)*, в: «*Пение мало Георгию*». *Сборник в чест на на 65-годишнина на проф. Георгий Попов*, София 2010 (в печ.).

деле памятники, рассматриваемые в этой работе, образуют три группы: 1) перешедшие с Руси к южным славянам в результате ПВсВ (*Толкования Никиты Ираклийского на 16 слов Григория Богослова, Исход Моисеев*, одна из редакций *Исторической Палеи*, извлечение из древнейшего перевода *Хроники* Георгия Амартола);¹ 2) отражающие русско-южнославянские связи XVI-XVII вв. (*Сказание о построении Софии Константинопольской*, антииудейский полемический трактат *Словеса святых пророк*, апокрифическая *Книга Еноха*); 3) тексты, по всей вероятности, переходившие из восточнославянской традиции в южнославянскую по крайней мере двоекратно, в том числе и с ПВсВ (*Откровение Мефодия Патарского, Вопрошение апостолов о Богородице и Вопрошение апостола Варфоломея*,² *Житие Андрея Юродивого, Чудеса Николая Чудотворца и сказания о перенесении его мощей*).

Практически во всех случаях позиция Сперанского определялась (что вполне естественно) тогдашней датировкой южнославянских списков сочинений, которая со временем претерпела заметное изменение в эпоху распространения филигранологических методов датирования. Так, сербские списки *16 слов* Григория Богослова с *Толкованиями* Никиты Ираклийского из собрания Нямецкого монастыря, на которые он ссылается (современные шифры – Бухарест, БАН Румынии, Слав. 141 и 142), датируются в настоящее время не XV в., а концом XIV.³ Вдобавок, по стечению обстоятельств, ему остались неизвестны наблюдения В. П. Виноградова о том, что толкования Никиты использованы уже Кириллом Туровским⁴ (т.е. сам перевод существовал уже к середине – второй половине XII в.). Ситуация с *Житием Андрея Юродивого* изменилась по несколько иной причине – когда со временем отыскивались неизвестные М. Н. Сперанскому фрагменты текста в составе южнославянских пергаменных сборников (Москва, РГБ, собр. А. Н. Попова, № 93/2, л. 10 об. – 13 об.; СПб., БАН, 24.4.23, л. 1-5),⁵ датируемых несомненно XIV столетием.

Эта неопределенность позиции родоначальника исследования проблемы ПВсВ (либо предположительное выделение им еще одного периода восточнославянского влияния), обусловленная общей ситуацией в археографии конца XIX – первой трети XX вв., наложила сильнейший отпечаток на позднейшую традицию изучения вопроса. Перечисленный корпус текстов по сути не получил никакого отражения в сводках, содержащихся в работах

¹ Последний из текстов был только упомянут М. Н. Сперанским при обзоре содержания сборника (*Русские памятники письменности*, ук. соч., с. 68).

² Применительно к этой паре апокрифических вопрошаний факт принадлежности их и к ПВсВ был установлен лишь недавно (см. ниже).

³ Лб. Васильев, М. Гроздановић, Б. Јовановић, *Ново датирање српских рукописа у Библиотеци Румунске Академије наука*, «Археографски прилози», 2 (1980), стр. 48-49, № 12-13.

⁴ В. П. Виноградов, *Уставные чтения*, вып. 3, Сергиев Посад 1915, с. 114-115; Д. М. Булантин, *Античные традиции в древнерусской литературе XI-XVI вв.*, Мюнхен 1991, с. 140-141.

⁵ А. М. Молдован, *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*, М. 2001, с. 19-20; А. А. Турилов, *Памятники древнерусской литературы*, ук. соч., с. 35 (в последнем случае упомянут только второй из отрывков).

1960-1980-х гг. (и прежде всего в капитальных исследованиях В. А. Мошина и Х. Микласа).¹ Первый упоминает из приведенного выше перечня лишь *Палею историческую* (причем совершенно не аргументируя этого), второй рассматривает только *Откровение* Мефодия Патарского, но безотносительно статьи М. Н. Сперанского, в связи с известной «антологией» ПВСВ – *Берлинским сборником*. Применительно к текстам, относимым к этому историко-культурному явлению, в литературе на определенное время восторжествовал принцип ограничения их круга южнославянскими списками не позднее рубежа XIV–XV вв.,² что формально вполне оправдано исторической ситуацией на славянских Балканах (замена репертуара в связи со сменой богослужебного устава, «второе южнославянское влияние»).

Мне кажется, в настоящее время пришла пора расширить сферу отражения ПВСВ и на южнославянскую (преимущественно ресавскую сербскую) рукописную традицию XV в. Об этом свидетельствует уже то, что в отношении древнерусских памятников она отражает (как и предшествующая) результаты ПВСВ и не обнаруживает каких-либо видимых новаций.³ В южнославянских списках XV в. (так же как и XIV) неизвестны русские сочинения и переводы моложе начала XIII в. (и даже конца XII).⁴ Специфика южно-

¹ См.: В. А. Мошин, *О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV вв.*, в: *Русь и южные славяне. Сборник статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894–1987)*, СПб. 1998, с. 83–84 (впервые статья была опубликована на сербскохорватском языке («Slovo», 11–12 [1962], str. 13–130); на русском – в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, т. 19, М.–Л. 1963, с. 28–106); Н. Миклас, *op. cit.*, S. 444–447, 459–461.

² См. уже заглавие обобщающей статьи Х. Микласа (примеч. 3), а также: А. А. Турилов, *Памятники древнерусской литературы*, ук. соч., с. 28–29.

³ Здесь уместно напомнить, что XV в. отмечен в первую очередь феноменом «второго южнославянского влияния», т.е. движением книжно-литературных памятников от южных славян к восточным (см.: А. И. Соболевский, *Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.*, СПб. 1903 (репринт – Leipzig 1989), с. 1–37; Д. С. Лихачев, *Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России*, в: *Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов*, М. 1960, с. 95–151 (то же, в: Д. С. Лихачев, *Исследования по древнерусской литературе*, Л. 1986, с. 7–56); А. А. Турилов, *Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV вв. и «второе южнославянское влияние»*, в: *Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв.*, СПб. 1998, с. 321–337 (то же, в: *Търновски писмена. Алманах за Търновска книжовна школа*, т. 2, Велико Търново 2009, с. 193–228); Он же, *Южнославянские переводы XIV–XV вв. и корпус переводных текстов на Руси*, «Вестник церковной истории», 2010, 1–2, с. 147–175).

⁴ Разумеется, с ПВСВ никак не связан факт появления в ряде сербских списков Стишного Пролога XV в. жития троих виленских мучеников, канонизированных в 1375 г. в Константинополе (о памятнике и сопутствующих ему событиях см.: М. Н. Сперанский, *Сербское житие литовских мучеников*, в: «Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР)», 1909, кн. 1, с. 1–48; Д. Огицкий, *К истории виленских мучеников*, в: «Богословские труды», вып. 25, М. 1984, с. 26–46; D. BARONAS, *Trys Vilniaus kankiniai: istorija ir gyvenimas (istorinė studija ir šaltiniai)*, Vilnius 2000; IDEM, *The Three Martyrs of Vilnius: a Fourteenth-Century Martyrdom and its Documentary Sources*, «Analecta Bollandiana», 122 (2004), pp. 83–134; Д. Баронас, *По поводу литературной истории Мучения трех виленских мучеников*, в: *Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne*, t. 3, Kraków 2001, с. 73–99). Речь идет о точечном контакте (правда, с немаловажными культурно-историческими последствиями), осуществ-

славянской (преимущественно сербской) традиции XV столетия применительно к древнерусским сочинениям, переводам, компиляциям и редакциям заключается в следующем. С одной стороны (в продолжение ситуации, сложившейся после середины XIV в.) в ней еще более сокращается круг южнославянских рукописей, могущих содержать тексты, связанные с ПВСВ (что отнюдь не исключает [см. *ниже*] возможности обнаружения в них памятников, не представленных более ранними списками) – по существу он сужается (что хорошо видно и на приводимых ниже примерах) до сборников смешанного содержания и достаточно факультативного конвоя монашеских рукописей (аскетические сочинения, патерики).¹ С другой же начавшееся в третьей четверти XIV в. турецкое завоевание славянских регионов Балкан привело к культурной раздробленности (в особенности, на территории Македонии), и как следствие этого – к консервации архаической традиции. На практике это означало, к примеру, использование и переписывание по крайней мере до середины XV в. до-иерусалимских Миней праздничных с проложными житиями в древнейшей (восточнославянской) редакции перевода.²

Положение явно меняется только в первой четверти XVI столетия,³ начиная с 1510-х гг. когда в сербских рукописях появляется целый ряд разнородных (и разноуровневых) свидетельств знакомства задунайских книжников с современной им восточнославянской книжностью (первоначально, вероятно, с западнорусским ее вариантом). Особенно знаковым является написание Василием Никольским «от Дольние Руси» в 1510/1511 (7019) г. по заказу сербского вельможи на венгерской службе Стефана Якшича полеми-

ленном при несомненном византийском посредстве, между будущим митрополитом Киевским Киприаном, привезшим частицы мощей новомучеников из Литвы в Константинополь и ожидавшим поставления на кафедру, и членами сербской церковно-правительственной делегации, прибывшей тогда же в столицу империи для переговоров о примирении Сербской церкви со вселенским патриархом (см.: Д. Богдановић, *Измирење српске и византијске цркве*, в: *О кнезу Лазару. Научни скуп у Крушевцу*, Београд 1975, стр. 81–91; то же, в: Д. Богдановић, *Студије из српске средњовековне књижевности*, Београд 1997, стр. 346–364).

¹ Впрочем, справедливости ради следует заметить, что и в предшествующие эпохи на эти категории рукописей приходилась львиная доля свидетельств «первого восточнославянского влияния».

² См., например: София, НБКМ, № 896 (Минея праздничная с проложными житиями на февраль – август. Посл. четв. XIV в.); Москва, ГИМ, Хлуд. 171 (Минея праздничная с проложными житиями на август. Кон. XIV – нач. XV в.); София, Б-ка БАН, № 23 (Минея праздничная с проложными житиями на сентябрь–февраль [*Самоковская минея*]. Нач. XV в.).

³ Едва ли следует относить к числу проявлений «второго восточнославянского влияния» появление надписания «митрополита Киевского» в заглавии похвального слова Григория Цамблака Дмитрию Солунскому в *Торжественнике (Панегирике)* 1479 г. (Рыльский монастырь, № 4/8, л. 244 об. – 247) письма Владислава Грамматика (см., к примеру: Б. Христова, *Опис на ръкописите на Владислав Грамматик*, Велико Търново 1996, с. 87). Цамблук, вероятно, даже во время своего недолго пребывания на митрополичьей кафедре продолжал сохранять обширные связи в Константинополе, на Афоне, в Молдавии и Сербии. В связи с этим можно лишь удивляться, насколько мало его высокое церковное положение в последние годы жизни отразилось в ресавской и славяно-молдавской традиции.

ческого антилатинского *Послания о исхождении Св. Духа*.¹ Автор убедительно отождествлен в последнее время с одним из крупных чиновников правительственного аппарата Великого княжества Литовского («писарем»), приверженцем князя М. Л. Глинского и участником неудавшегося заговора против короля Сигизмунда в 1508 г.² (история появления послания переходит, таким образом, почти в семейную сферу связей Якшичей и Глинских). Почти одновременно с этим фиксируется появление в сербской традиции минейного Торжественника с русскими статьями (например, *Словом о проявлении крещения Руси апостолом Андреем*),³ сложившегося в западной части Киевской митрополии не ранее XIV в.,⁴ и отмечаются первые примеры использования сербскими и молдавскими книжниками неизвестной им до тех пор популярнейшей на Руси тайнописной системы – «простой литореи» (или «тарабарской азбуки»)⁵. Перечисленные примеры отражают, несомненно, уже результаты возобновления русско-южнославянских связей, начало которого (приезды в Москву посольств за «милостыней» с Афона и из Белградской митрополии) приходится на рубеж 1480-1490-х гг.⁶

Из сказанного, на мой взгляд, следует, что южнославянские списки XV в. (за исключением, быть может, его последнего десятилетия, хотя это не обя-

¹ О памятнике см.: Ф. И. Покровский, *Послание Василия, пресвитера Никольского из Дольней Руси об исхождении св. Духа*, «Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук», т. 13, кн. 3, 1908, с. 91-126; Ё. Сп. Радојичић, *Руски и српски текст Василија Никольског из Доње Русије*, «Историски записи», 9 (1953), стр. 204-210.

² О личности автора, его судьбе и связях с семейством Глинских см.: Е. В. Русина, *Знакомый незнакомец: Василий Никольский en famille*, «Славяноведение», 2000, 2, с. 69-74.

³ Старший список (отрывок на 8 сентября – 25 декабря – Прага, Народный Музей, 1х D 15) датируется первой четвертью XVI в. (о датировке см.: М. Гроздановић-Пајић, *Ново датирање српских ћирилских рукописа Шафарикове збирке у Прагу*, «Библиотекар», 1968, бр. 5, стр. 451, № 5; описание: J. Vašica, J. Vais, *Soupis staroslovanských rukopisů Národního musea v Praze*, Praha 1957, str. 112-114, № 42).

⁴ Сборник включает младшую (минейную) редакцию древнего похвального слова Богородице (приуроченного здесь к 8 сентября), возникновение которой нельзя датировать ранее указанного времени – см.: А. А. Турилов, *К истории великоморавского наследия в литературах южных и восточных славян (Слово «О похвале Богородицы Кирилла Философа» в рукописной традиции XV-XVII вв.)*, в: *Великая Моравия: ее историческое и культурное значение*, М. 1985 (дополненный и уточненный вариант – в: А. А. Турилов, *От Кирилла Философа до Константина Костенечского и Василия Софиянин*, М. 2010, в печ.), с. 254.

⁵ О молдавских примерах (в рукописях любителя разнородной криптографии протопсалта Путненского монастыря Евстафия) см.: М. Н. Сперанский, *Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма*, Л. 1929, с. 6-8, 11-14; о сербском – В. Мошин, *Словенски рукописи во Македонија*, Скопје 1971, с. 87-88 (подробнее последний случай рассматривается в статье «Заметки о сербской книжной тайнописи XV-XVI вв.», публикуемой в сборнике моих работ, выходящем в скором времени в Белграде).

⁶ См.: М. Н. Тихомиров, *Исторические связи России со славянскими странами и Византией*, М. 1969, с. 148-149, 154-156; М. Бошков, *О односима Светог Пантелејмона са Русијом (до средине XVI в.)*, «Зборник Матице Српске за славистику», 58-59 (2000), стр. 35-47; А. Фотић, *Света Гора и Хиландар у Османском царству XV-XVII в.*, Београд 2000, стр. 206-207; А. А. Турилов, *Культурные связи Московской Руси и Сербии в XIV-XVI вв.*, в: *Москва – Сербия, Белград – Россия: Сборник документов и материалов*, т. 1., Београд-Москва 2009, с. 97-105.

зательно) древнерусских домонгольских сочинений, переводов, редакций и компиляций являются отражением еще «первого восточнославянского влияния». С учетом этого и ведется последующее изложение. Попутно же замечу, что тем самым с ПВСВ дополнительно оказываются связаны 4 памятника из второго перечня М. Н. Сперанского (статьи 1960 г.): *Слово на перенесение мощей Николая Чудотворца из Мир в Бари* (подробнее см. ниже), апокрифический *Исход Моисея*, особый вариант *Исторической Палеи* и извлечение из древнейшего перевода *Хроники* Георгия Амартола.¹

Далее в статье я предполагаю ограничиться лишь новонайденными и извлеченными из забвения текстами, отражающими ПВСВ (ввиду их несомненной актуальности и весьма значительного объема сведений), оставляя на будущее обозрение численного прироста списков² и ряд малоизученных аспектов бытования восточнославянских памятников в южнославянской традиции (в частности, практически неразработанную тему проложных житий в составе служебных Миней).³ Не считаю здесь уместным также вдаваться в полемику по поводу происхождения переводов *Пролога*⁴ и *Пандектов* Никона Черногорца, замечу лишь, что я вполне солидарен (и отнюдь не из ложно понимаемого патриотизма) с позицией российских исследователей-лингвистов, которыми за последние полтора – два десятилетия сделано очень много для уточнения языковых критериев локализации славянских переводов.⁵

¹ Содержащая все эти произведения рукопись (Белград, Архив САНУ, № 24/106), отнесенная во времена М. Н. Сперанского (*Русские памятники письменности*, ук. соч., с. 68) к середине или второй половине XVI в., датируется в настоящее время второй половиной или концом XV столетия (см.: Д. Богдановић, *Инвентар ћирилских рукописа у Југославији [XV–XVII в.]*, Београд 1982, стр. 38, № 348).

² Ценные сведения о рукописной традиции отдельных уже известных сюжетах можно найти в ряде новейших работ болгарских исследователей – напр.: К. Иванова, *Bibliotheca hagiographica balcano-slavica*, София 2008, с. 341–345, 347, 349–350 (чудеса Николая Мирликийского); И. Кузидова, ук. соч.

³ Нельзя не упомянуть здесь также несколько маргинальный в собственно литературном отношении, но чрезвычайно важный в контексте общей картины «влияния» сюжет, как включение имен русских святых в южнославянские молитвы. См.: О. В. Лосева, *Молитва над болящим в составе Требника РНБ Q. п. I. 24 XIV в.*, в: ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Юбилейный сборник в честь 60-летия проф. И. С. Чичурова, М. 2006, с. 280–303.

⁴ При этом, разумеется, нельзя не отдать должного полноте сведений о житиях русских святых в южнославянских списках *Пролога*, содержащихся в недавно опубликованной монографии Р. Павловой, *Восточнославянские святые в южнославянской письменности XIII–XIV вв.*, Halle (Saale) 2008.

⁵ См., например: А. М. Молдован, *Лексика древнерусского перевода в региональном аспекте*, М. 1994; Он же, *Критерии локализации древнеславянских переводов*, «Славяноведение» 1994, 2, с. 69–80; Он же, *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*, М. 2000, с. 63–105; К. А. Максимович, *К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода Пандектов Никона Черногорца*, в: *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*, М. 1998, с. 398–341; он же, *Текстологические и языковые критерии локализации древнеславянских переводов (в связи с новым изданием Пандектов Никона Черногорца)*, «Русский язык в научном освещении» 2001, 2, с. 191–224; А. А. Пичхадзе, *Языковые особенности древнерусских переводов с греческого*, в: *Славянское*

Изложение организовано по традиционной, идущей от статьи М. Н. Сперанского 1923 г. схеме – рассматриваются поочередно 1) оригинальные произведения (авторские и анонимные), 2) переводы, 3) компиляции, и редакции, а также памятники, вернувшиеся на славянские Балканы через русское посредство. Поскольку я надеюсь в будущем посвятить этому кругу сюжетов более подробное исследование, то аргументация здесь не во всех случаях носит развернутый характер – предлагаемые ниже наблюдения и заметки призваны прежде всего привлечь внимание исследователей к упоминаемым памятникам.

1. Слово митрополита Илариона

Почти полтора века, со времени выхода в свет публикации М. П. Петровского (1865), в науке известны сербские списки *Послания брату столпнику* с именем Илариона, митрополита Киевского в заглавии.¹ Несколько лет назад мне посчастливилось найти другой текст, снабженный таким же надписанием, в западноболгарской рукописи из собрания Печской патриархии, № 93, находившейся в то время на депозитном хранении в Народной библиотеке Сербии в Белграде. Рукопись датируется началом XV в.,² около половины ее (л. 1-86) составляет *Римский патерик (Беседы папы Григория Великого с архидиаконом Петром о житии италийских отец)*, начало которого утрачено.³ Заключительные листы (209-228) занимает *Житие и чудеса Николая*

языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации, М. 1998, с. 475-478; она же, *Литературно-языковые и переводческие традиции в словоупотреблении церковнославянских памятников и русских летописей XI-XIII вв.*, «Русский язык в научном освещении» 2002, 2 (4), с. 150-165; она же, *О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола*, в: *Лексическое источниковедение и история русского языка <2001>*, М. 2003, с. 232-249; она же, *Лексические особенности древнерусских переводов с греческого XI-XIII вв.*, в: *Русистика на пороге XXI в.: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции*, М. 2003, с. 274-275; она же, *К текстологии древнейшего славянского перевода Пандект Никона Черногорца*, в: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2004-2005>*, М. 2006, с. 59-84; она же, *Южнославянские традиции в древнерусской письменности: приращение -тъ / -сть в аористе*, в: *Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова*, М. 2006, с. 129-146; Н. В. Бражникова, *Из наблюдений над списками славянского перевода Хроники Георгия Синкелла*, в: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2000>*, М. 2000, с. 106-118; О. В. Лосева, *Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII-первой трети XV вв.*, М. 2009, с. 29-41.

¹ См., к примеру: А. А. Турилов, *Памятники древнерусской литературы*, ук. соч., с. 32-33.

² Датировку и филиграну рукописи см.: М. Гроздановић-Пајић, Р. Станковић, *Датирание и водени знаци српских ћирилских рукописа Пећке патријаршије*, «Археографски прилози» 13 (1991), стр. 52. Краткое описание кодекса: Д. Вуксан, *Рукописи манастира Пећке патријаршије*, в: *Зборник за историју Јужне Србије и суседних области*, Скопље 1936, књ. 1, с. 181, № 103 (статья не отмечена); В. Мошин, *Рукописи Пећке патријаршије*, в: *Старине Косова и Метохије*, Приштина 1968-1971, књ. 4-5, № 99; наиболее подробные сведения о содержании – К. Иванова, ук. соч., с. 104, № 88.

³ Редакция перевода не определена, но, скорее всего, речь должна идти о болгарском переводе XIV в. В исследовании С. Николовой, *Патеричните разкази в българската средновековна литература*, София 1980, список не учтен.

Чудотворца (включая и относимые к числу древнерусских домонгольских переводов).¹ На л. 114 об. – 145 здесь находится стѣго надрнона митрополита кыевского града. слово (нач.: потыщидса братіе. и сестры къ вѣчнѣи жизни свѣтаѣи. іаже наць тѣ по своен мѡ(с)тн тѣне даеть. а сіа врѣменная и сквѣрная. іакы здинны си(х) іадовнты(х) ѡстенъ бѣганць и не прикасанца ен. гоу бѣгоу ѡготовльшѣ нѣса и на(с) познва(в)шѣ то мы семѣ тѣ-лѣ годеще...; кон.: ... аще приде(т) чл(с) и ѡбращеть дѣша наша готови. авіе цр(с)твovati нмамы въ безконечныа вѣкы...). Памятник хорошо известен по русским спискам конца XIV-XVIII вв. (а в сокращенной проложной версии с еще более раннего времени),² в том числе (хотя и довольно редко) и с надписанием «митрополита Киевского»³ (но не «Киевского града»). Вопрос об авторстве текста, как и в случае с *Посланием брату столпнику* является предметом дискуссии, но существование достаточно раннего (в рамках сохранившейся совокупной рукописной традиции) южнославянского списка указывает, как минимум, на домонгольскую древность подобного надписания.

2. Ответы митрополита Киевского Георгия на вопросы Германа, игумена монастыря Спаса на Берестове (и прп. Феодосия Печерского)

Данный пример занимает несколько особое место в перечне, поскольку речь идет не столько о выявлении нового памятника русско-южнославянских связей (хотя и этот момент отчасти тоже присутствует), сколько об установлении источника (и при этом авторского) известного ранее текста. Уже давно несомненным является факт наличия в епитимийно-обрядово-обиходной компиляции *Заповеди святых отец* в составе *Берлинского сборника* раннего XIV в. и близко родственного ему *Довольского сборника* конца XVI – начала XVII в. (РНБ, собр. А. Ф. Гильфердинга, № 42) значительного восточнославянского по происхождению материала. В частности, речь идет обычно об извлечениях из перевода ответов киевского митрополита Иоанна II (107-10) на вопросы канонического и обрядового характера, заданные черноризцем Иаковом.⁴ Несколько лет назад круг русских источников компиляции обрел большую определенность. В 2001 г. Л. В. Мошкова обнаружила в сборнике середины XV в. (РГБ, собр. Г. Г. Юдина, № 1, л. 23-28) неизвестный до тех пор текст, озаглавленный «[От] неведомых словес изложено Георгием,

¹ Таковы, к примеру, чудеса о Димитрии, спасенном в морской пучине (л. 226-226 об.), и о ковре (л. 226 об. – 228 об.) – см.: М. Н. Сперанский, *Русские памятники письменности*, ук. соч., с. 99-100.

² См.: Н. К. Никольский, *Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X-XI вв.)*. Корректурное изд., СПб. 1906, с. 106-109, 513; О. В. Творогов, *Древнерусская книжность XI-XIV вв.: Каталог памятников. IV. Патристика и сочинения славянских авторов*, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, т. 57, СПб. 2006, с. 393.

³ Например, в чуть более раннем или современном (кон. XIV - нач. XV в.) списке в составе пергаменного сборника РГБ, ф. 304.1 (собр. Троице-Сергиевой Лавры фонд.), № 13, л. 210-212 об. (текст издан [не по данному списку] А. В. Горским, *Прибавления к творениям св. отцов в русском переводе*, СПб. 1844, т. 2, кн. 3, с. 293-296).

⁴ М. Н. Сперанский, *К истории взаимоотношений русской и южнославянских литератур*, ук. соч., с. 21-22.

митрополитом Киевским, Герману игумену въпрашающу, оному поведаящущу»,¹ представляющий древнейший на сегодняшний день (ок. 1073 г.) образец «вопрошаний» местного духовенства к греческому архиерею, возглавлявшему русскую Церковь. Позднее текст *Неведомых словес* был исследован и опубликован автором этих строк.² Сопоставление нового памятника с *Заповедями святых отец* в *Берлинском* и *Довольском сборниках* позволило надежно возвести к нему в совокупности 19 статей в составе последних.³ В 2007 г. Г. С. Баранкова выявила в рукописи еще один переставленный при переплетении лист, относящийся к *Неведомым словесам*⁴ и содержащий, в частности, дополнительные 3 пункта, отразившиеся в *Берлинском сборнике* (44, 68, 69 – о смерти обрученной жены диакона, о возможности попадье причащаться у своего мужа, и о священнике, желающем быть крестным отцом своему крестнику).⁵ Наличие в найденном Г. С. Баранковой отрывке второго из этих пунктов устранило последние сомнения в тождестве архетипа *Неведомых словес* с упоминаемым в *Вопрошании Кирика*⁶ «написанием» Георгия, «митрополита Русского», к созданию которого был причастен некий Федос (по всей вероятности, св. Феодосий Печерский).⁷

Всего, таким образом, в архетипе *Берлинского* и *Довольского сборников* присутствовало не менее 22 статей из ответов митрополита Георгия. Но, по всей видимости – учитывая, что единственный известный список нового «вопрошания» продолжает оставаться дефектным – это число не является окончательным. Сопоставление *Неведомых словес* с изданными по рукописям XIV–XVII вв. анонимными подборками канонически-обрядовых правил позволило выявить еще один южнославянский (среднеболгарский) памятник, активно использовавший ответы митрополита Георгия. Речь идет о краткой епитимийно-канонической компиляции, именуемой в литературе по начальной фразе «Аще епископ»,⁸ содержащейся в среднеболгарском так

¹ См.: Л. В. Мошкова, А. А. Турилов, «Неведомые словеса» киевского митрополита Георгия, в: *Славяне и их соседи. 20-я конференция памяти В. Д. Королюка. Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья*. Сб. Тезисов, М. 2001, с. 68–71.

² А. А. Турилов, *Ответы Георгия, митрополита Киевского на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопрошание»*, в: *Славяне и их соседи*, М. 2004, вып. 11 (*Славянский мир между Римом и Константинополем*), с. 212–262.

³ Подробнее см.: там же, с. 233 (1, 2), 234 (6, 7), 236 (14), 237 (19), 238 (22, 24), 242 (48), 243 (50), 248 (83), 249 (88, 89), 250 (90, 91), 251 (94), 253 (104); ср.: Х. Миклас, Л. Тасева, М. Йовчева, *Берлински сборник*, София–Вiен 2006, с. 57–58, 59–60, 64–65, 70–71, 72–73.

⁴ Г. С. Баранкова, *Древнерусское вопрошание «Неведомых словес» изложено Георгием митрополитом Киевским. Герману игумену въпрашающу. оному поведаящущу: Проблемы подлинности памятника и особенности его языка*, в: А. И. Соболевский и русское историческое языкознание (к 150-летию рождения ученого). Тезисы докладов, М. 2007, с. 7. В настоящее время текст вопрошания с дополнением статей на вновь найденном листе подготовлен исследовательницей к печати.

⁵ См.: Х. Миклас, Л. Тасева, М. Йовчева, *ук. соч.*, с. 59, 65.

⁶ *Материалы по истории древнерусской покаянной дисциплины (Тексты и заметки)*, М. 1912, с. 311.

⁷ Г. С. Баранкова, *ук. соч.*, с. 8; ср.: А. А. Турилов, *Ответы Георгия*, *ук. соч.*, с. 221–222.

⁸ Самоназвание подборки – «Заповеди святых отец...» (см. примеч. 3).

называемом *Порфирьевском Номоканоне* третьей четверти XIV в.¹ (РНБ, Q.П.90, л. 99 об. – 102) и опубликованной почти 100 лет назад С. И. Смирновым.² К *Ответам* в ее составе восходит (с учетом трех дополнительно найденных Г. С. Баранковой) 7 статей из 27,³ т.е. свыше четверти объема.

Компиляции в составе *Берлинского* и *Довольского сборников* с одной стороны и *Порфирьевского Номоканона* с другой в отношении статей, заимствованных из *Неведомых словес* имеют между собой лишь одну точку соприкосновения – пункт о том, как должен поступать священник, желающий стать крестным отцом своему крестнику (см. *выше*). Следовательно, на славянском Юге получило известность не менее четверти объема (как минимум, 28 статей) ответов Георгия.

Заимствование, безусловно, не было непосредственным (на это указывает в немалой степени анонимность правил в болгарских компиляциях). Промежуточным текстом послужила, скорее всего, весьма обширная и широко распространенная в русских списках *Заповедь ко исповедающимся сыном и дщерам*,⁴ что уже давно отмечалось исследователями.⁵ Однако текст этой компиляции, получивший известность на славянском Юге в домонгольский период, не может быть отождествлен ни с одним из известных в настоящее время вариантов, представленных русскими списками. Опубликованные С. И. Смирновым и привлеченные им в вариантах списки *Заповеди* не содержат пунктов 2, 14, 48, 78, 83, 89–91, 94, 104 *Неведомых словес* митрополита Георгия, отразившихся в южнославянских компиляциях.

3. Слово (сказание) о перенесении мощей Николы из Мир в Бари

Еще на самом раннем этапе изучения восточнославянских «влияний» было замечено, что различные тексты, посвященные святителю Николаю (и даже память перенесения мощей в Бари) играют в них далеко не одинаковую роль. Если ряд посмертных чудес святого с самого начала разработки темы рассматривался как неотъемлемая часть литературного корпуса «первого восточнославянского влияния»,⁶ то русская по происхождению (и, по всей вероятности, домонгольская по времени создания)⁷ служба на перенесение

¹ О датировке рукописи см.: Б. Христова, В. Загребин, Г. Енин, Е. Шварц, *Славянские рукописи болгарского происхождения в Российской Национальной библиотеке*, СПб.-София 2009, с. 111, № 51.

² *Материалы по истории древнерусской покаянной дисциплины (Тексты и заметки)*, ук. соч., 136–137 (№ 21), 397–398.

³ *Там же*, пункты 13, 14, 20, 21 (см.: А. А. Турилов, *Ответы Георгия*, ук. соч., с. 244–245, 247, 248, 253, 256).

⁴ Публикацию текста см.: *Материалы по истории*, ук. соч., с. 112–132 (№ 19); комментарии – с. 383–395. Всего в разных списках *Заповеди* содержится в совокупности 61 статья, восходящая к ответам митрополита Георгия (см.: А. А. Турилов, *Ответы Георгия*, ук. соч., с. 220, 233–254, 256).

⁵ См. *там же*, с. 220–221.

⁶ М. Н. Сперанский, *К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур*, ук. соч., с. 47–49; Он же, *Русские памятники письменности*, ук. соч., с. 97–103.

⁷ См. древнерусский раздел статьи *Гимнография* (*ПЭ*, т. 11, М. 2006, с. 498). На глубокую древность этой службы, дошедшей в списках (в том числе пергаменных) не ранее начала XV

мощей из Мир Ликийских в Бари зафиксирована в южнославянских (сербских) списках (во всяком случае, в полном виде – ср. ниже) не ранее второй пол. XVI в.¹ Аналогичная картина наблюдалась до последнего времени в отношении повестей, сказаний и слов, посвященных этому празднику.² Еще М. Н. Сперанскому в 1920-х гг. был хорошо известен список сказания (под заглавием: *чудо прѣнесеннѣиъ мощи. стѣго ннколн. архіереа х(с)ва*) в составе сборника ГИМ, Хлуд. 241 (л. 22 об. – 23 об.),³ однако рукопись в то время ошибочно датировалась XVI–XVII вв.⁴ Сейчас, когда установлено, что кодекс может быть весьма точно датирован ок. 1451 г.,⁵ становится ясно, что речь идет еще об одном литературном памятнике, связанном с ПВСВ. Как установил М. Н. Сперанский, речь идет не о проложной повести, а о более пространным сказании, начинающемся словами «Присно убо должны есми, братие, праздники Божия творящее, в честь держати...», известном в русских списках с начала XV в.⁶ На южнославянской почве к середине XV в. памятник претерпел изменения настолько значительные, что вполне уместно говорить о его переделке⁷ – в сущности, это оформленное как чудо (в полном соответствии с заглавием) сравнительно небольшое извлечение из средней части русского сочинения.

в., указывает, в частности, наличие славянского анонимного фразового акростиха (ПРЕ-НЕСЕНИЕ МОЩЕЙ ТВОИХ...) в ее каноне гласа 4-го (см.: *Акростих*, там же, М. 2000, т. 1, с. 406).

¹ См.: Т. Суботин-Голубовић, *Празник преноса моштију св. Николе у српском рукописном наслеђу*, в: Она же, *Српско рукописно наслеђе од 1557. године до средине XVII в.*, Београд 1999, Додатак 2, стр. 233-251; Она же, *Култ светог Николе у средњовековној Србији*, в: *Хришћанска агиология и народни вјервања. Сборник в чест на с.н.с. Елена Коцева*, София 2008, с. 29-36.

² См.: М. Н. Сперанский, *Русские памятники письменности*, ук. соч., с. 100.

³ Там же, примеч. 116.

⁴ А. Н. Попов, *Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова*, М. 1872, с. 486.

⁵ В новейшем печатном описании кодекс вполне обоснованно датирован второй четвертью XV в. (С. Николова, М. Йовчева, Т. Попова, Л. Тасева, *Българското средновековно културно наследство в сбирката на А. Хлудов в Държавния исторически музей в Москва*, София 1999, с. 86-87, № 80). Однако описатели как в XIX в., так и в конце XX, не обратили внимания, что на л. 17, 16-16 об. (листы здесь перепутаны, причем л. 17 вклеен оборотом вперед) в сборнике находится Пасхалия (конец утрачен), начинающаяся с 6959 (1451) г. и обрывающаяся (утрачен, вероятно, самый конец) на 7000 (1491/92) г.

⁶ М. Н. Сперанский, *Русские памятники письменности*, ук. соч., с. 100. О восточнославянской рукописной и старопечатной традиции памятника см.: Н. К. Никольский, *Материалы для повременного списка...*, ук. соч., с. 314-326; по русским пергаменным спискам раннего XV (не XIV и тем более не XIII!) в. текст издан: И. А. Шляпкин, *Русское поучение XI в. о перенесении мощей Николая чудотворца*, СПб. 1881 (*Памятники древней письменности*, вып. 10). Памятник неоднократно публиковался и по позднейшим спискам (см., к примеру: Макарий [Булгаков], митр. Московский и Коломенский, *История Русской Церкви*, М. 1995, кн. 2: *Прилож.*, с. 555-557).

⁷ М. Н. Сперанский, *Русские памятники письменности*, ук. соч., с. 100.

4. Кондак на перенесение мощей Николы

Во второй половине 1990-х гг. ряд исследователей, независимо друг от друга обратил внимание на очередной серьезный огрех описания Хлудовского собрания рукописей (ГИМ), выполненного А. Н. Поповым.¹ Оказалось, что в сербском пергаменном сборнике раннего XIV в. № 189,² большую часть которого (л. 1-202) занимает *Пролог* в древнейшем переводе, остались никак не отмеченными последние 32 л., содержащие, как оказалось, единственный известный в настоящее время в южнославянской традиции список минейного Кондакаря³ (ненотированного). В болгарском описании 1999 г., специально упоминания в связи с его составом удостоились только кондаки Савве и Симеону Сербским и Ахиллию Ларисскому.⁴ В связи с сербским происхождением списка не менее важным, однако, представляется то обстоятельство, что этот уникальный Кондакарь (состоящий из двух частей, основной и до-

¹ Ряд замечаний по поводу систематической неполноты сведений и других небрежностей этого описания, которое сто лет назад почиталось (см.: И. В. Ягич, *История славянской филологии*, СПб. 1910 [репринт – М. 2003], с. 644-645) без преувеличения образцовым, см.: А. А. Турилов, *Кичевский сборник с Болгарской апокрифической летописью (Датировка, состав и история рукописи)*, «Palaeobulgarica», 1995, 4, с. 3-4.

² Более точная датировка рукописи нуждается в дополнительном исследовании и обосновании. Если палеографические приметы почерка основного писца кодекса – «многогрешного» монаха Равулы – переписавшего начальную (до л. 250 об. включительно) часть рукописи вполне укладываются в параметры уставных почерков эпохи короля Милутина (1282-1321), то письмо Кондакаря несколько моложе по облику (что, разумеется, не мешает частям рукописи быть современными в рамках первой трети – начала второй четверти XIV в.). Верхнюю грань создания кодекса определяет проба пера канцелярским письмом XIV в. на л. 282 об. – начало послания «господину кралю» от его «работника», воеводы Младена (почти несомненно отца севастократора Бранка Младеновича). Можно указать на заметную близость письма Равулы почерку литургического свитка Хиландарь, 16/V, датированного концом XIII в. (см.: Д. Богдановић, *Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара: Палеографски албум*, Београд 1978, репр. 18; П. Миодраг, *Молитвени записи на хм литургијским свицима*, «Хиландарски Зборник», књ. 11, Београд 2004, сл. 1-4).

Попутно два необходимых примечания: 1) Запись на обороте л. 250 выполнена (вопреки мнению составителей последнего описания – С. Николова и др., *Българското средновековно културно наследство*, укр. соч., с. 70) основным писцом рукописи – Равулой. 2) Данный писец никак не может быть отождествлен (несмотря на редкое имя) со своим более известным (но несравненно менее каллиграфичным) младшим современником и тезкой, работавшим ок. 1353 г. в шар-планинской жупе Сириничи (о рукописях, переписанных этим другим Равулой см. (с ошибочной датировкой XIII в.): Л. Цернић, *Белешке о писарима неких српских рукописа у манастиру Свете Катарине на Синају*, «Археографски прилози», 4 (1982), стр. 21-23, табл. 18-24; о времени его жизни – Б. Н. Флоря, А. А. Турилов., С. А. Иванов, *Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия*, СПб. 2000 (переизд. 2004), с. 120-121, примеч. 2; С. Ю. Темчин, *Сербский столпный апракос Равулы (ок. 1353 г.): происхождение, особенности языка, структура*, «Slavistica Vilnensis. Kalbotyra», 52 (2003), 2, с. 131-177; Он же, *Бывшая рукопись белградской Народной библиотеки (сербский октоих 1353 г., № 213) в Гарварде, там же*, с. 197-204; То же, «Археографски прилози», 29-30 (2007-2008), стр. 47-54; М. Убипарип, *О рукописном Октоиху (1353 г.) из старе збирке Народне библиотеке у Београду, там же*, стр. 55-70).

³ Новейшее описание рукописи см.: С. Николова и др., *Българското средновековно културно наследство*, укр. соч., с. 69-71, № 64.

⁴ Там же, с. 70.

полнительной – соответственно, л. 251-276 об. и 276 об. – 282 об.) содержит также песнопения Борису и Глебу (кондак и икос) в первой части (л. 274), и на майский праздник Николая Чудотворца (кондак) во второй (л. 281).¹ Последний является едва ли не древнейшим во всей славянской рукописной традиции случаем фиксации хотя бы отдельного песнопения этому празднику. В настоящее время русские гимнографические тексты из Хлуд. 189 опубликованы Р. Павловой.² Вывод исследовательницы, что наличие в *Хлудовском Кондакаре* кондака на майскую память Николы свидетельствует о присутствии в это время в южнославянской традиции и полной службы этому празднику,³ представляется явно поспешным. Сербская традиция служебных и праздничных Миней начиная с XIII в., как известно, весьма репрезентативна, однако единственная русская служба, которая в них присутствует до второй половины XVI столетия, посвящена Борису и Глебу.

5. Особая («Константиновская») редакция «Чуда Феодора Тирона (Стратилата) о матери и змие» с русской интерполяцией

Еще буквально несколько лет назад этот интереснейший переводной апокрифический текст с красочным описанием подвига героя-змееборца⁴ ассоциировался у исследователей (при том, что перевод, вероятнее всего, имеет преславское происхождение) исключительно с восточнославянской традицией XV-XVII вв.⁵ В ней он действительно необыкновенно популярен – чис-

¹ Первое упоминание о русских памятях с песнопениями в этом Кондакаре см.: Б. Н. Флоря и др., *Судьбы кирилло-мефодиевской традиции*, ук. соч., 128, примеч. 2 (а кроме того: ПЭ, т. 6, М. 2003., с. 54; там же, т. 16, М. 2007, с. 162 – в последнем случае ошибочно указание на наличие в рукописи кондака и икоса прп. Феодосию Печерскому). Странным образом Р. Павлова (*Восточнославянские святые в южнославянской письменности*, ук. соч., с. 35) отмечает, что в этой работе указан лишь кондак Николе.

² Там же, с. 36 (кондак на перенесение мощей Николы), 200 (кондак и икос Борису и Глебу).

³ Там же, с. 35-36.

⁴ Сведения о памятнике, отражающем смешение культа двух соименных христианских мучеников, см., напр.: А. Н. Веселовский, *Разыскания в области русских духовных стихов*, в: *Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук*, СПб. 1880, т. 21, кн. 2, с. 5-10, 50, 51; *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, Л. 1987, вып. 1 (XI-первая половина XIV вв.), с. 270-271 (*Мучение Феодора Стратилата*), 272-273 (*Мучение Феодора Тирона*). Издание текста (по отдельным восточнославянским спискам XVI-XVII вв.): *Памятники старинной русской литературы*, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко, СПб. 1862, вып. 3, с. 143-145; Н. С. Тихонравов, *Памятники отреченной русской литературы*, М. 1863, т. 2, с. 93-99; *Сказание о св. Феодоре Стратилате, како он избавил мать от змиев, и змиев победил: Апокрифический рассказ (по тексту рукописи)*, в: *Христианские древности и археология*, СПб. 1864-1865, кн. 1, с. 58-64.

⁵ Примерно лет пять-шесть назад я задавал вопрос о южнославянских списках памятника (вне связи с «первым восточнославянским влиянием») троице общепризнанным специалистам в области изучения апокрифов и/или календарных сборников уставных чтений: К. Ивановой, Т. Йовановичу и А. Милтеновой. Все трое в тот момент ответили мне отрицательно (ср. также: *Стара българска литература*, София 1981, кн. 1 (*Апокрифи*). Съст. и ред. Д. Петканова; *Апокрифи новозаветни*, приредило и на савремени језик превело Т. Јовановић, Београд 2005 = *Стара српска књижевност у 24 књ.* Књ. 23, т. 2 – текст в обоих случаях отсутствует).

ло списков исчисляется десятками,¹ при этом целый ряд из них представляет особые редакции-переработки, отпочковавшиеся от исходного переводного текста не позднее второй половины XV в. и довольно далеко от него отошедшие. Сейчас, после выхода в свет издания болгарского *Германова сборника* 1359 г., содержащего древнейший полный славянский список апокрифа,² нет сомнений, что южнославянская рукописная традиция у него имеется, хотя и не столь репрезентативная, как русская. Бросающаяся в глаза разница в масштабах распространения памятника на Руси и на славянских Балканах имеет довольно простое объяснение. В первом регионе он был не позднее середины XV в. включен как уставное чтение (соответственно, на память Феодора Стратилата (8 июня), Феодора Тирона (17 февраля), либо на первую («Фёдорову») субботу Великого поста) в многочисленные минейные и триодные Торжественники³ (хотя достаточно списков и помимо календарных сборников), во втором этого не произошло, во всяком случае, в массовом порядке (примечательно, что в *Германовом сборнике* текст помещен в конце рукописи, как дополнительная статья).⁴

Для рассматриваемой темы интерес представляет, однако, не полный текст чуда в *Германовом сборнике*, а два отрывка (среднеболгарский и сербский), сохранившиеся в библиотеках Белграда и Софии. Первый (с поврежденным заглавием слово *сѣго ꙗе...*) находится в составе фрагмента большого западно-болгарского пергаменного сборника первой половины (начала?) XIV в., происходящего из собрания Л. Ковачевича (НБС, Рс-711).⁵ На данный момент, по

¹ Сколь-либо надежная статистика восточнославянских списков на сегодняшний день отсутствует. Сведения справочника А. де Сантос-Оттеро (*Die handschriftliche Überlieferung der altslavischen Apokryphen*, Berlin-New York, Bd. 2) по вполне понятным причинам заведомо неполны. Некоторые данные о списках см. также: Т. В. ЇЕРТОРИСКАЈА, *Vorläufiger Katalog kirchenslavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus*, Opladen 1994, S. 142–143 (05.6.16, 18), 560, 570, 613, 614–615, 642, 648–649, 652–653; О. В. Творогов, *Переводные жития в русской книжности XI–XV вв. Каталог*, М.–СПб. 2008, с. 116, 117. О популярности данного «чуда» в восточнославянской книжности свидетельствует и существование русских икон конца XV в. (СПб., Государственный Русский музей, из собр. Н. П. Лихачева) и первой половины XVII в. (там же, инв. № 2146) на этот сюжет, при этом с существенными отличиями в иконографии (см.: [Н. П. Розанова]. *Ростово-суздальская живопись XII–XVI вв.*, М. 1970, илл. 38; *Искусство строгановских мастеров в собрании Государственного Русского музея: Каталог выставки*. Сост.: Т. Б. Вилинбахова, И. Д. Соловьева, А. А. Мальцева, Л. 1987, с. 50, № 35).

² См.: Е. Мирчева, *Германов сборник от 1358/1359 г. Изследване и текст*, София 2006, с. 834–846.

³ См., к примеру (для триодной традиции): Т. В. ЇЕРТОРИСКАЈА, *ук. соч.*, с. 142–143 (05.6.16, 18), 560, 570, 613, 614–615, 642, 648–649, 652–653.

⁴ Один из древнейших южнославянских списков (в составе Сборника дьяка Николица – см. примеч. 3, с. 24), впрочем, был приурочен к Фёдоровой субботе, однако не в сборнике уставных чтений.

⁵ В связи с тем, что сведения о рукописи в печатных изданиях (см.: Б. Јовановић-Стипчевић, *Средњовековно писано наслеђе у заоставитини Љубомира Ковачевића*, «Археолошки прилози», 10–11 (1988–1989), стр. 76; Т. Јовановић, *Такозвана руска варијанта Варуховог откровења у препису треће четвртине XIV в.*, «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», 73 [2007], стр. 77–78) страдают разного рода неточностями, привожу здесь ее краткое описание:

всей видимости, это древнейший славянский список памятника вообще. Второй (НБКМ, № 535, л. 1-1 об., самоназвание – житие н чю(д)са стго великом(т)ника ф(ω(д)ра)¹ представлен листом из сербской бумажной рукописи конца XIV – раннего XV в.² Хотя эти фрагментарно сохранившиеся списки отличаются большим числом существенных разночтений (начиная, как видим, с заглавия), в особенности, учитывая их достаточно скромный объем, между ними есть черты общности, позволяющие говорить о их особом месте в славянской рукописной традиции в целом и южнославянской в частности. Так, имя императора в софийском и белградском списках – Константин,³ в других оно

Сборник житий и апокрифов (?), отрывок (о датировке см. ниже); местонахождение основной части неизвестно. На нижнем поле л. 2 номер тетради (26). Среднеболгарский извод с западноболгарскими особенностями (орфографию см. в публикации Т. Йовановича). Пергамен. 7 л., ошибочно пронумерованные как 8 (л. 1 представляет левый верхний угол л. 8). Порядок листов нарушен, л. 1 должен, по всей видимости, следовать за л. 7. 280 x 205 мм. Устав одного почерка в 2 столбца (подробнее см. ниже), на странице 36 строк. В столбце 1а инициал тератологического стиля (народная тератология), в столбце 5а – плетеный южнославянского стиля. Заголовки в 2 контура с подкраской. Содержание: житие преп. Феодоры Александрийской (без нач., со слов: ... н видѣ вельблѣдн н блаженѣ ф(ω(д)рѣ. н джжъско н диннъско одѣяннѣ носѣща...) – л. 2а-5а; Откровение Варуха – л. 5а-7г (текст опубликован Т. Йовановичем); Чудо («слово») Феодора Тирона (без конца, обрывается на словах: ... ω како ли са разлѣти дша твоѣ безъ гла(с). н то рекъ стн ф(ω(д)рѣ...) – л.1+8.

Отрывок представляет немалый интерес и в графико-палеографическом отношении, поскольку он написан несомненно тем же писцом (атрибуция моя), что и уже давно отождествленные между собой по почерку Евангелие апракос краткий (СПб., РНБ, Q.п.І. 38 и 58; СК XIV, № 97, 98), и Паренесис Ефрема Сирина (Сербия, монастырь Высокие Дечаны, № 77, отрывки – Белград, НБС, Рс-426; СПб., РНБ, Гильф. 20 (л. 1-7) и Гильф. 60), датироваемые ранним XIV в. – особенно характерны начертания З, О широкого (украшенного вверху и внизу штрихами), Ч с округлой плоской и достаточно симметричной чашечкой, «ять» с очень маленьким кузовом, Ы с перечеркнутой правой частью (образцы почерка обоих памятников см.: 1) В. Мошин, *Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо*, Скопје 1966, сн. 84 (Евангелие), 85 (Паренесис); 2) В. Десподова, Л. Славева, *Македонски средновековни ракописи*, Прилеп 1988, [кн.] 1, с. 231-233, № 71 (Евангелие); 237, № 73 (Паренесис); предложенная в этих альбомах датировка рукописей второй четвертью XIV в. представляется излишне поздней; 3) *Палеографски албум*, приредила Л. Цернић, Београд 1991 (прилож. к: Љ. Штавланин-Ђорђевић, М. Гроздановић-Пајић, Л. Цернић, *Опис ћирилских рукописа Народне Библиотеке Србије*, Београд 1986, кн. 1, табл. 36).

¹ Краткое описание отрывка (определенного здесь в соответствии с заглавием как житие Феодора Стратилата) см.: Б. Цонев, *Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна Библиотека*, София 1923, т. 2, с. 60.

² Датирую в данном случае по почерку, поскольку филигрань на этот лист не пришлась.

³ По этому признаку с названными отрывками совпадает еще один дефектный южнославянский (сербский) список чуда – в составе уже упомянутого выше (см. раздел о Слове (сказании) о перенесении мощей Николы) сборника ГИМ, Хлуд. 241 (ок. 1451 г., л. 89 об. – 90 об.: чюдо бывшеє при констан... при стго мчника ꙗѣа ф(ω(д)ора). Он, однако, по всей видимости, представляет уже частично сокращенную переработку редакции, лежащей в основе белградского и софийского списков. Так, к примеру, обращение Феодора к боярам, о котором пойдет речь ниже, исключено здесь полностью. К «Константиновской» версии чуда принадлежал также список в составе погибшего сборника XIV в. (ок. 1360 г.) дьяка Николица из старого собрания НБС (№ 104, л. 106-108 об.), судя по началу, очень близкий к софийскому, однако имевший совершенно особое (приуроченное к Феодоровой субботе) заглавие – см.: Љ. Стојановић, *Каталог Народне Библиотеке у Београду. IV. Рукописи и старе штампане књиге*, Београд 1903 (репринт – 1982), стр. 299, № 468.

может колебаться, но преобладает (в соответствии с греческой традицией) Валент (Уалент) и искаженные формы от него.¹ Появление в тексте апокрифа имени первого христианского императора выглядит несколько пикантно в сочетании с неоднократным упоминанием (составляющим один из стержней повествования) жертвоприношений дракону, совершавшихся верховным правителем. Не следует забывать, однако, что все известные списки, именующие царя Константином, сохранились лишь в начальной своей части (не более трети объема) и мы не можем судить о возможных поворотах сюжета в данной версии, в то время как благочестие правителя и его любовь к св. Феодору, известные по другим вариантам повествования, не вызывают сомнений.

Но имя царя не составляет главного отличия белградского и софийского списков. В обоих после рассказа царя о мучившем его кошмарном сновидении и обращения к «боярам» с просьбой отыскать и привести во дворец человека, обидевшего правителя в этом сне (!), следует весьма примечательная речь св. Феодора (в софийской рукописи сохранившаяся, к сожалению, лишь в начальной своей части):

НБС, Рс-711, л. 1, стб. 6

... стѣи́и же фео(д)рь како видѣ ѿрѣ́ прискрѣбна и печална и ре(ч)и стѣи́и фео(д)рь боляромъ и воель послѣслоушантѣ ма малн и велнцн братннн и друужи́но г(с)нѣ ѿрѣ́ нашъ. створн на(с) боляръ. и прѣ́да(с) намъ сребро свое и злато. и роухоу́ и власти. и градовъ. и по всѣхъ днѣи́ зоветь нн въ полатѣ своѣхъ на велнкѣ́ честь и любовь. и рекохомъ да за его оумр(ѣ)мъ. а тон да жнвъ бѣдетъ...

НБКМ, 535, л. 1 об.

... стѣи́и же фео(д)рь како видѣ ѿрѣ́ скрѣбна и печална и ре(ч)и боляр(о)мъ и воель(м), ѿрѣ́ нашъ створн на(с) воель, и по всѣхъ днѣи́ да раздаетъ ны и конѣ и орѣ́жн(ѣ)...

Ни в греческом оригинале чуда,² ни в многочисленных славянских списках, начиная с *Германова сборника* столь пространная речь главного героя не засвидетельствована, здесь присутствуют лишь ее начало и конец.³ Бросается в глаза «дружинная» (или же «боярская») топка речи (своеобразный кодекс боярско-дружинной чести и одновременно характеристика ее экономи-

¹ Ср., к примеру: *Памятники старинной русской литературы*, ук. соч., с. 143 (Уалент); Н.С. Тихонравов, ук. соч., с. 93 (Онаулент); *Сказание о св. Феодоре Стратилате*, ук. соч., с. 58.

² См.: А. Н. Веселовский, *Разыскания в области русских духовных стихов*, в: *Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук*, СПб. 1879, т. 20, кн. 6, с. 14-22.

³ Ср.: Е. Мирчева, ук. соч., с. 834 (тогда стѣи́и фео(д)рь... рече боляр(о)мъ и воель. братннн. ѿрѣ́ нашъ за то ны е вож створнлѣ. да ны его радн оумрѣмъ, а тон да жнветъ...); Н. С. Тихонравов, ук. соч., с. 94 (стѣи́и фео(д)рь... рече ко звор(о)мъ. се людне мон ѿрѣ́ на(с) вѣннствн(а) есть. да за него нзоумрѣ(м). а тѣ да бѣде(т) жн(в)...); *Памятники старинной русской литературы*, ук. соч., с. 143 (стѣи́и фео(д)рь... рече къ звор(о)мъ сн. людне мон, царь нашъ вѣннствовалѣ есть, за него нзоумрѣмъ, а боудѣмъ жнвн...); *Сказание о св. Феодоре Стратилате*, ук. соч., с. 59 (святый Феодор... рече к собором и вельможам и бояряром: «Братия наша, что творите! Царь мой нас ввоинствил есть, да ему работаем, за него умрем, а царь будет жив»...).

ческой основы), как будто перенесенная сюда со страниц летописи,¹ *Слова о полку Игореве*,² или же древнейшего (русского) перевода *Александрии*³ (последний вариант, впрочем, наименее близок). Южнославянские литературные памятники XIII – начала XIV вв. (времена, предшествующего старшему из списков этой редакции «чуда») сколько-либо близких параллелей не содержат.⁴ Показательно также встречающееся дважды упоминание «малых» и «великих» бояр, известных (также в форме «меньшие» и «большие») по *Уставу Ярослава и Русской Правде*.⁵ Поэтому мало сомнений в том, что перед нами редакция текста, интерполированная на Руси в XI–XII вв., неизвестная (либо не выявленная пока) в дошедших восточнославянских списках, но сохранившаяся в южнославянской традиции, куда она попала, по всей видимости, не позднее первой трети XIII в. (известный аналог ситуации представляет рассмотренное в основной части статьи и в отдельной работе новгородское *Слово от Апостола*). Южнославянские формы «руха» (без эпитетического Л), «власти», вместо ожидаемых «рухло», «волости» не могут удивлять (равно как и собственно южнославянская и балканская лексика), учитывая длительность бытования текста на славянских Балканах. При этом Белградский и Софийский (сохранивший лишь фрагментарно) отрывки по-разному передают архетипный текст. В последнем опущено упоминание «великих и малых» бояр (дружины), но на первом месте среди благ, получаемых дружиной от правителя, помещены «кони» и «оружие» (исключенные в Белградском списке, очевидно, как маловажные, на взгляд переписчика XIV в., по сравнению с золотом, серебром, «рухой», волостями и городами), что отражает, несомненно, ранний этап оформления интерполяции.⁶

¹ Ср.: «Повеле исковати (князь Владимир) лжице сребрены ясти дружине, рече сице: яко сребромь и златом не имам налести дружину, а дружиною налезу сребро и злато...»; «Мстилав... любяше дружину повелику, именья не щадяше, ни питья, ни еденья браняше...» (примеры цитируются по: И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, СПб. 1893, т. 1, стб. 730). «Теи бо князи не збираху многа имения, ни творимых вир..., но оже будет правая вира, а ту возмя, даваху дружине на оружье. А дружина его кормяхуся, воюще ины страны и бьющесе и ркуще: «Братие, потягнем по своем князе и по Руской земле»...» (*Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов*, М.-Л. 1950 (репринт – М. 2000, «Полное Собрание Русских Летописей», т. 3), с. 104.

² Ср.: «И рече Игорь дружине своей: «Братие и дружино! Луце ж потяту быти, неже полонену бытии...» – *Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святослава, внука Ольгова*, Вступ. статья, подг. текста, перевод с древнерусского, комментарий и приложение А. А. Горского, М. 2002, с. 78.

³ Ср.: «И разумев Александр боязнь их, рече к ним: «Мужи макидонстии и дружино моя! Почто ся смятосте, слышавше грамоту Дарьеву?»... (*Летописец Еллинский и Римский*, СПб. 1999, т. 1 [Текст], с. 111).

⁴ Выражаю искреннюю признательность за дополнительные консультации по данному вопросу К. Ивановой, Дж. Трифуновичу, и И. Шпадиер.

⁵ См.: И. И. Срезневский, *ук. соч.*, т. 1, стб. 151; *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, М. 1975, вып. 1, с. 288, 308; *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, М. 1988, т. 1, с. 296, 301.

⁶ Ср. последний пример в примечании 1.

6. Слово Илии трудолюбивого

Этот сравнительно небольшой славянский псевдоэпиграф, посвященный архангелу Михаилу, был открыт, исследован и опубликован М. Н. Сперанским в начале XX в.¹ по погибшему в 1941 г. списку третьей четверти XIV в.² Народной библиотеки Сербии. В наше время *Слово Илии* опубликовано по списку в составе сербского сборника Дечанского монастыря № 103 последней четверти XIV в. (подробнее о рукописи см. *ниже* – разделы 8 и 10), с вариантами по предшествующему изданию и рукописи XVI в.³

М. Н. Сперанский не рассматривал данный памятник в системе русско-южнославянских связей XII-XIII вв., хотя текст требует этого независимо от окончательного решения вопроса о месте его написания. Как установил Сперанский, одним из источников *Слова* послужило проложное сказание о чудесах архангела Михаила (другими явились *Похвальное слово* Климента Охридского Михаилу и Гавриилу, *Сказание Пандолея диакона* и *Сказание вкратце* чудес архангела Михаила), из предисловия к *Прологу* были заимствованы также имя и прозвище, вынесенные в заглавие текста.⁴ Речь идет, таким образом, либо о памятнике, скомпилированном на Руси и принесенном к южным славянам, либо о тексте, составленном южным славянином с использованием восточнославянского перевода *Пролога*. К сожалению, лексика псевдоэпиграфа очень невыразительна и не позволяет сделать однозначный вывод. В то же время выбор древнейшего перевода *Пролога* в качестве источника указывает для славянского юга на время между концом XII и серединой XIV в.

7. Апокрифические «Вопросы апостола Варфоломея к Богородице»

Во времена М. Н. Сперанского памятник, известный преимущественно по русским рукописям XV-XVIII вв., в южнославянской традиции был представлен только сербским списком середины XVI в.⁵ (Вена, Австрийская Нац. библиотека, Слав. 125).⁶ Однако текст (правда, лишенный конца – обрывает-

¹ М. Н. Сперанский, *Слово Илии Трудолюбивого*, в: *Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića*, Berlin 1908, S. 299-303 (То же: М. Н. Сперанский, *Мелкие старинные тексты*, М. 1910, с. 3-6); Он же, *Слово Илии Трудолюбивого*, «Чтения в обществе истории и древностей российских», 1909, кн. 3, с. 1-4 (публикация текста с кратким предисловием).

² Русский исследователь в обоих случаях датировал кодекс, написанный на пергамене и бумаге «впрокладку», концом столетия, однако еще ранее Л. Стоянович на основании записи Райчина Судича с упоминанием кесаря (Воихны) обосновал датировку ок. 1360 г. (Ль. Стоянович, *Стари српски записи и натписи*, Београд 1901 [репринт – 1982], књ. 1, стр. 42, № 118).

³ М. Skowronek, «Świat cały ma cię za obrońcę»: Michał Archanioł w kulturze Słowian prawosławnych na Bałkanach, Łódź 2008, s. 187-197.

⁴ М. Н. Сперанский, *Слово Илии Трудолюбивого*, в: *Jagić-Festschrift*, ук. соч., с. 300-302.

⁵ О датировке рукописи см.: G. Birkfellner, *Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich*, Wien 1975, S. 221, № II/81.

⁶ М. Н. Сперанский, *Русские памятники письменности*, ук. соч., с. 86, 90-92.

ся на словах: и па(к) рѣ(т) варѣолодѣн. видѣхъ гнѣ вѣ(с) аггль въсходеще на нбса прѣ(д) ада~мо(м)... в том же самом переводе¹ содержится в составе сборника последней четверти XIV в. из собрания Дечанского монастыря, № 103, л. 199-201 об.² Текст по этой рукописи в настоящее время подготовлен А. Милтеновой к изданию для юбилейного сборника в честь Георгия Попова.³ Таким образом, на данный момент это древнейший славянский список памятника.⁴

8. «Русский» вариант апокрифического «Откровения Варуха»

Недавно текст был исследован и опубликован Т. Йовановичем (с разночтениями по русскому списку рубежа XV-XVI вв. РГБ, Синодальное собр., № 363) по той же западноболгарской пергаменной рукописи НБС, Рс 711 из собрания Л. Ковачевича,⁵ в которой содержится и *Чудо Феодора Тирона* (см. выше № 6). Во вступительной статье к публикации сербский исследователь пишет, что хотя данный вариант апокрифа условно именуется в литературе «русским» (поскольку до сих пор был известен исключительно в восточнославянских списках), следует предполагать его распространение на более широком славянском пространстве и предлагает гипотезу о его возникновении в южнославянской среде или на Афоне.⁶ Если с первой частью выдвинутого положения невозможно не согласиться, то вторая нуждается в известной корректировке. Соседство памятника в западноболгарском сборнике с интерполированным на Руси вариантом *Чуда Феодора Тирона* в сочетании с преобладанием восточнославянских списков апокрифа делает весьма вероятным по меньшей мере русское посредство в появлении или возвращении этой версии *Откровения Варуха* к южным славянам (возможно, через тот же Афон).

¹ Ср.: Н. С. Тихонравов, *Памятники*, ук. соч., с. 18-22; *Памятники старинной русской литературы*, вып. 3, с. 109-112.

² Датировку и филигранные рукописи см.: М. Гроздановић-Пајић, Р. Станковић, *Рукописне књиге манастира Високи Дечани. Водени знаци и датирање*, Београд 1995, стр. 37-38. Рукопись до настоящего времени не имеет, к сожалению подробного печатного описания, но по моим наблюдениям она обнаруживает по составу много точек соприкосновения с погибшим в 1941 г. более ранним Сборником дьяка Николица (см. примеч. 3, с. 24). Помимо «Вопросов» и «Слова Илии трудолюбивого» это также жития Василия Нового и Ефросина повара и целый ряд поучительных рассказов, близких по характеру к учительной части русского Пролога, но не имеющих в ней аналогий.

³ А. Милтенова, *За един неизвестен препис от апокрифните въпроси и отговори на апостол Вартоломей*, в: «Пение мало Георгию»: Сборник в чест на 65-годишнината на проф. Г. Попов, София 2010 (в печ.).

⁴ Известный новгородский Паисиевский сборник (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, 4/1081), в составе которого читается старший русский список *Вопрошаний*, датируется по филиграммам первой четвертью XV в.

⁵ Т. Јовановић, *Такозвана руска варијанта Варуховог откровења*, ук. соч., стр. 81-89.

⁶ Там же, стр. 80.

9. Кондакарь (ненотированный)

Кондакарь (независимо, нотированный, или ненотированный) как тип книги до последнего времени был известен на славянской почве исключительно в русских списках. На южнославянской почве в XII – первой половине XIV в. его функцию в какой-то мере брал на себя *Апостол апракос* в своей месяце-словной части, а также *Пролог* (в редакции Константина Мокисийского), болгарские и сербские списки которого содержат тропари и кондаки заглавным праздникам дня.¹ Поэтому глубоко закономерно, что столь долго не замечавшийся исследователями сербский список Кондакаря первой половины XIV в. в составе пергаменного сборника ГИМ, Хлуд. 189 выходит несомненно к восточнославянскому архетипу (см. *выше*, раздел 4).²

*

Помимо перечисленного выше имеются еще два сюжета, включение которых в данный перечень, возможно, не бесспорно (одним из основных аргументов является здесь малая известность этих текстов у южных славян при широком распространении в древнерусской традиции), однако они в этом смысле безусловно заслуживают исследовательского внимания.

10. «Повесть о царе Казарине и царице его»

До последнего времени текст этой поучительной повести по мотивам византийской истории (вероятнее всего, фольклоризированного варианта биографии императора Юстиниана II Ринотмета в соединении с прозвищем Льва IV), греческий оригинал которой не сохранился или же не разыскан, был известен только по довольно многочисленным русским спискам XV–XVIII вв.³ Весьма широк контекст бытования памятника в восточнославянской рукописной традиции. Еще сравнительно недавно он был известен прежде всего в конвое исторических памятников – хронографических (*Летописец Еллин-*

¹ Правда, следует заметить, что икосов дня, входящих в Кондакарь почти на равных правах с кондаками, ни месяцеслов *Апостола апракос*, ни *Пролог* не содержат.

² В судьбе Кондакаря на южнославянской почве многое остается неясным. Уникальный характер хлудовского списка лишь подчеркивает факт отсутствия кондаков и икосов дня (после песни 6-й канона) в составе многочисленных списков (преимущественно сербских) Минеи служебных и праздничных конца XII – первой половины XIV вв. с проложными чтениями (пользуюсь случаем поблагодарить Р. Н. Кривко, обратившего мое внимание на данное обстоятельство). Однако это, безусловно, тема отдельного исследования.

³ Подробнее о памятнике см.: Н. А. Мещерский, *К вопросу о византийско-славянских литературных связях*, «Византийский временник», 17 (1960), с. 57–69 (с изданием текста); О. В. Творогов, *Древнерусские хронографы*, Л. 1975, с. 112–113; *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 2 (вторая половина XIV–XVI вв.), ч. 2 (Л-Я), Л. 1989, с. 289–290; А. И. Плигузов, Г. В. Семенченко, *Митрополит Даниил и вопрос о наследнике Василия III*, в: *Русская книжность XV–XIX вв.*, М. 1989 (Труды ГИМ. Вып. 71), с. 149–150. Издание текста см. также: *Русский феодальный архив*, М. 1987, ч. 3, с. 542–543, № 153.

ский и Римский 2-й редакции) и летописных (*Новгородская летопись Дубровского*) сводов,¹ но в 1980-1990-х гг. было установлено его присутствие в составе формулярника Московской митрополичьей кафедры первой трети XVI в., в составе *Измарагда* юго-западной редакции² и (как чтение под 10 сентября) в малоисследованной редакции *Пролога*, представленной украинско-белорусскими списками начиная с последней четверти XV в.³

Несколько лет назад я наткнулся на фрагмент (чуть более половины объема) текста (утрачены заглавие и самое начало [начинается со слов: ...к(с) ѿ тѣхж(д)є козарьь. н вьста на нь дроугни црѣ...], а также конец – обрывается на словах: ...наготу и гладь и всакоу скръьь. надѣюще се приобрьсти доужа цююго. ннѣ же слышюу тако ож...) в уже упоминавшемся сборнике Дечанского монастыря последней четверти XIV в. № 103 (л. 171-171 об.). Сербский список не имеет сколь-либо значимых вариантов и разночтений в сравнении с русскими, разнится лишь орфография.

Выстроить однозначную историю текста в славянских литературах пока не представляется возможным, можно исключить лишь версию его появления на Руси со «вторым южнославянским влиянием». Хотя восточнославянские списки повести известны лишь со второй половины XV в., они на раннем этапе последовательно встречаются в контексте памятников древнейшей традиции, будь то *Летописец Еллинский и Римский*, при создании 2-й редакции которого в Новгороде южнославянские сочинения и переводы XIII-XV вв. не привлекались,⁴ или же чрезвычайно архаичный набор редких учительных статей в упомянутой западнорусской редакции *Пролога*⁵ (повести-чудеса *О кресте и болгарине* и *О жене из Сказания инока Христула*⁶ под 26 ноября, сокращенная редакция возможно еще великоморавского *Слова о похвале Богородицы*, приуроченная здесь к Введению,⁷ и др.). В то же время присутствие повести в сербском сборнике, содержащем и другие памятники, так или иначе связанные с «первым восточнославянским влиянием» (*Вопросы апостола*

¹ *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 2, ч. 2, Л. 1989, с. 289-290.

² А. И. Плигузов, Г. В. Семенченко, *ук. соч.*, с. 149-150.

³ Например, в рукописях: Киев, Ин-т рукописей НБ Украины, собр. Киево-Софийского собора, № 273/1310с (посл. четв. XV в.); там же, собр. Михайло-Златоверхого монастыря, № 529/1643п (посл. четв. XV в.); РГАДА, ф. 181, № 710 (кон. XV - нач. XVI в.), л. 22 об. – 24 (см.: *Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов*, М. 2000, с. 24-25, 180-181); РГБ, собр. Е. Е. Егорова, № 720 (ок. 1600 г.). В новейших печатных описаниях киевских Прологов наличие статьи не отмечено (см.: Л. Гнатенко, С. Бабакиевска, *Проложното житие на Кирилл Философ в три рукописа от края на XV в.*, «Palaeobulgarica», 1998, 1, с. 39-42; Л. Гнатенко, *Слов'янська кирилична рукописна книга XV ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського: Каталог*, Київ 2003, с. 109-113, № 39-40).

⁴ См.: *Летописец Еллинский и Римский*, СПб. 2001, т. 2 (Комментарий и исследование О. В. Творогова), с. 133-192.

⁵ Из нее этот упоминаемый далее набор текстов (кроме слова на Введение) перешел и в юго-западную редакцию *Измарагда* (см.: ПЭ, т. 21, М. 2009, с. 597).

⁶ См.: *Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов*, *ук. соч.*, с. 180-181.

⁷ Там же.

Варфоломея», Слово Илии трудолюбивого), делает эту версию вероятной и для нее.

11. «Слово Кирилла философа о небесных силах»

Памятник являет достаточно редкий для палеославистики пример решительной «несостыковки» знаний об одном и том же тексте в разных ветвях кириллической традиции. В 1960 г. Б. Ст. Ангелов опубликовал по среднеболгарскому списку третьей четверти XIV в.¹ из собрания БАН Румынии в Бухаресте, Слав. 298 (л. 15 об. – 24), анонимное (или псевдоэпиграфическое) Слово от святых книг и о небесных силах и како создан бысть человек (нач.: понѣ(ж) тання сна не въсѣдн ѿкръвена бы(с) н многыци члѣвкы не вѣдома. нж тако же ре(ч) кирилль философ...), снабдив его вступительной статьей.² Загадочным образом один из крупнейших болгарских специалистов в области русско-южнославянских средневековых культурных связей не обратил внимание на то, что данный памятник имеет широчайшее распространение в восточнославянской рукописной традиции начиная с XIV в., где представлен несколькими редакциями.³ В свою очередь, находка и публикация Б. Ст. Ангелова не получила никакого отклика (а, по всей видимости, и просто известности) у российских исследователей⁴ (аналогичная ситуация наблюдается, впрочем, и в болгарской историко-филологической литературе). Ситуация с данным «словом» во многом сходна с предшествующим примером. В рукописи БАН

¹ О датировке и филигранях рукописи см.: С. Николова, *Патеричните разкази в българската средновековна литература*, София 1980, с. 57, примеч. 95. Исследовательница, вероятно, из осторожности, датирует кодекс концом XIV в., приводя при этом филигранные, относящиеся к 1350–1370 гг. До этого рукопись ошибочно датировалась началом XV (А. И. Яцимирский, *Славянские и русские рукописи румынских библиотек*, СПб. 1905 (= *Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук*, т. 79, с. 447) и даже первой половиной XVI в. (P. PANAITESCU, *Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei PRP*, București 1959, vol. 1, p. 397).

² Б. Ст. Ангелов, *Стари славянски текстове* (XII: *Разказ за съдбата на човека*), «Известия на Института за българска литература», 9 (1960), с. 256–268.

³ Практически исчерпывающую библиографию вопроса с перечнем публикаций текста по русским спискам см.: Г. Подскальски, *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237)*, СПб. 1996, с. 174–176; А. И. Алексеев, «Слово о исходе души» Кирилла Философа, в: *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Археография. Палеография. Кодикология*, СПб. 1999, с. 8–18. Из древнейших (не позднее рубежа XIV–XV вв.) русских списков, помимо упоминаемых в литературе (см.: О. В. Творогов, *Древнерусская книжность XI–XIV вв.: Каталог памятников (Продолжение)*, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, т. 57, СПб. 2006, с. 417), следует указать пергаменный отрывок новгородско-псковского происхождения конца XIV в., служащий нижним защитным листом при Шестодневе служебном XV в. ГИМ, Син. 707 (см.: А. В. Горский, К. И. Невоструев, *Описание славянских рукописей Московской синодальной [патриаршей] библиотеки*, М. 1862, т. 5, отд. 3. 1 (Книги богослужебные), № 452, с. 584).

⁴ См., напр., новейшую работу: А. И. Алексеев, *ук. соч.*, с. 8–13. Отчасти, возможно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что публикация Б. Ст. Ангелова увидела свет на страницах не специализированного медиавистического издания, а во всеобъемлющих (в хронологическом отношении) «Известиях Института болгарской литературы», позднее же – в сборниках его авторских трудов – она не повторялась.

Румынии, Слав. 298, присутствует и несомненный восточнославянский текст – в Чине (службе) причащения содержится молитва Кирилла Туровского, названного в этом списке Александрийским.¹ В любом случае сопоставление бухарестского болгарского списка памятника со старшими русскими представляется необходимым для лучшего уяснения истории текста.

Таким образом, приведенные выше примеры наглядно свидетельствуют, что литературный корпус «первого восточнославянского влияния» остается выявленным далеко не в полной степени даже после разысканий 1980 – начала 2000-х гг. По-прежнему остаются значительные резервы в виде неописанных (или недостаточно подробно описанных) монастырских собраний и коллекций церковных библиотек и музеев в Болгарии, Румынии, Сербии и Черногории (впрочем, как видно из примеров, находки вполне возможны и в рукописях, хранящихся в России). В каком-то смысле картина явления остается неизменной – среди текстов, пришедших на славянский Юг через древнерусское посредство по-прежнему отсутствуют памятники, которые могли бы быть отнесены хотя бы к началу XIII в. (напротив, возросло число сочинений и переводов, относящихся к древнейшему периоду – XI и началу следующего столетия [и, соответственно, их удельный вес во «влиянии»]): слово Илариона, ответы митрополита Георгия, слово о перенесении мощей святителя Николая в Бари и кондак на этот праздник). Существенно пополнился и список рукописей, содержащих целый комплекс текстов, связанных с «первым восточнославянским влиянием». В их число по праву могут быть включены отрывок пергаменного сборника НБС, Рс 711 раннего XIV в., Дежанский сборник библиотеки, № 103, Сборник с *Римским патериком*, Печ, № 93, и сборник смешанного содержания ГИМ, Хлуд. 241. Явно относился к ним и погибший в 1941 г. Сборник дьяка Николица середины XIV в.

¹ См.: А. И. Яцимирский, *ук. соч.*, с. 450-451. Примечательно, что бухарестский кодекс фигурирует (в связи с молитвой Кирилла Туровского, «Слово Кирилла Философа» не упомянуто) и в приложении к статье Х. Микласа 1988 г. (*op. cit.*, S. 456, примеч.), однако автор, которому остались неизвестными филигранологические наблюдения С. Николовой (см. примеч. 4, с. 28), выражает сомнения в его датировке, ссылаясь на разногласия мнений в литературе.

COMPOSTO IN CARATTERE MINION ADOBE DALLA
FABRIZIO SERRA EDITORE, PISA · ROMA.
STAMPATO E RILEGATO NELLA
TIPOGRAFIA DI AGNANO, AGNANO PISANO (PISA).

*

Marzo 2011

(CZ 2 · FG 21)

